

Посвящается Эмануэле и Маурицио

МОЯ СЕМЬЯ

Холод — вот что вспоминается живее всего, когда я думаю о своём детстве.

Собачий холод.

А собак я вообще не помню. Волки были, это да. Когда холод пробирал до костей, а от голода подвело живот, они, на свою беду, подходили слишком близко к хижинам. И дедушка Пузан ловил самого неосторожного из них и съедал со всеми потрохами.

Хотя, к слову сказать, случись в доме какая-то еда, никого из нашей семьи не надо было упрашивать...

Ах да, моя семья!

Пора вам её представить. Правда, когда я пытаюсь припомнить всех родственников, у меня ум за разум заходит.

Ну-ка, поглядим... одиннадцать пап...

Нет, нет, я, как всегда, всё путаю: это бабушек одиннадцать! А пап — девять...

Мой настоящий папа, Большая Рука, и ещё восемь, которых я звал «дядями»...

Правда, в стойбище Грустных Медведей мы, дети, называли дядями всех взрослых мужчин: куда бы ты ни пошёл, всюду встречался какой-нибудь дядя, который незаметно за тобой приглядывал и в случае чего выручал.

Проголодался? Зайди в первую попавшуюся хижину, и там дядя или тётя дадут тебе чего-нибудь пожевать.

Соскучился?

Великий одинокий охотник, дяденька Бобёр, с торчащими наружу зубами, всегда готов рассказать тебе какое-нибудь из своих захватывающих приключений.

Замёрз?

Тётушка Бурундучиха поднимет тебя, как пёрышко, волосатыми ручищами, и ты, счастливый, прикорнёшь в её горячих объятиях.

Не спится? Чем-то огорчён? Плачешь?

Почему бы тогда не пойти в пещеру к дяденьке Пеньку, который поперёк себя шире: пара прыжков, две-три уморительные гримасы — и вот ты уже хочешь, позабыв обо всём. А когда успокоишься, он до зари будет рассказывать сказки, придуманные тут же, на месте, специально для тебя.

Чудесно жилось в нашем стойбище!

Все тебя любили, и ты никогда не чувствовал себя одиноким. Можно даже сказать, что Грустные Медведи были одной большой дружной семьёй.

А теперь я опишу вам моего дорогого папочку — все звали его Большая Рука, потому что была она у него толстая и крепкая, как дубина. Ударом кулака он мог повалить бизона, а человек от одного его тычка отлетал к соседней хижине.

Такая сила помогла ему добиться в стойбище высокого положения: он стал вождём Грустных Медведей, и никто не оспаривал у него этого звания.

Правда, время от времени находился какой-нибудь нахал, который ставил под сомнение папино право распоряжаться, но папа не принимал это близко к сердцу, а просто выходил, улыбаясь, в круг и опрокидывал наглеца одним ударом.

Да, да, папа Большая Рука в самом деле никого не боялся...

Ну, почти никого.

Когда, например, мама Тигра была дома, он становился тихим, как ягнёнок.

Мама Тигра — это моя мама. Обычно она нежная и ласковая, но если рассердится — берегись. Тигрой её прозвали за вспыльчивый нрав, а ещё за голос, похожий на рёв саблезубых.

Папа Большая Рука очень красивый. Настоящий неандерталец: когда он приходил в другие стойбища, все с него не сводили глаз.

Жирный, как мускусный бык, горбатый, как бизон; спина круглая, а руки такие длинные, что загребали по земле.

А лицо до чего выразительное! Лба почти не было, а надбровные дуги так выступали вперёд, что, когда шёл дождь, даже не зажмуривался. Рот до ушей, огромный, с толстыми губищами; а нос — о, нос у него был самый красивый на свете: широкий, сплюснутый, волосатый.

Волосами вообще-то вся наша семья не была обижена.

Особенно дедушка Пузан.

Летом в страшную жару, когда в луже посреди деревни оставалось на палец льда, он мог ходить, ничем

Неандертальский мальчик в школе и дома

не прикрываясь. Разгуливал себе нагишом, и никто и не замечал этого — наоборот, все нахваливали его новую летнюю шубу.

Теперь полагалось бы описать всех дядюшек и тётюшек, дедушек и бабушек, кузенов и кузин, но я боюсь запутаться, а к тому же...

Во имя всех Горбатых Медведей! О стольком я уже поведал вам, а о себе не сказал ни слова.

Правда, и говорить-то особо нечего.

Я — мальчик Ледникового периода. Когда я родился, великое странствие моего народа подходило к концу и уже появились по соседству с нашими землями люди совсем, совсем на нас не похожие.

«Бууу» — вот как меня звали. Но вы меня можете называть попросту Неандертальский мальчик.

А теперь начинаем рассказ.

ПЛЕМЯ ГРУСТНЫХ МЕДВЕДЕЙ

Вот оно, моё стойбище, видите: на холмике, неподалёку от бурной реки.

Десятка три хижин, покрытых разноцветными шкурами.

У Грустных Медведей довольно большое стойбище: так, по крайней мере, утверждает дяденька Бобёр, который обошёл весь свет. Другие племена живут неблизко. До ближайшего к нам стойбища Северных Буйволов три месяца пути, а путешествовать в наши времена, поверьте, нелегко.

Гляньте на долину — сплошное болото: зимой замерзает, а весной растекается вязкой жижей, над которой кишат комары. А теперь обернитесь и посмотрите на горы: ели и берёзы простираются покуда хватает взгляда; с вершин спускаются ледники, чуть ли не достигая холмов...

Бр-р... лучше сидеть в хижине, в тепле, завернувшись в шкуры, и наблюдать, как на заре мама Тигра раздувает угли в очаге.

Осень едва наступила, а листья уже меняют цвет.

Небо светлеет; над верхними отверстиями хижин клубятся облака дыма. Станный тип отодвигает пол из шкур и выходит наружу, зеваёт, потягивается, глядит на небо, издаёт довольное ворчание. Подходит к луже в самом центре деревни, исследует лёд у самого берега.

Потом встаёт на колени перед Тотемом-Луной, круглым белым валуном в форме мяча, целует его и принимается петь.

Тип этот — Полная Луна, деревенский шаман, он же знахарь: он весь увешан амулетами, сухие волосы его стоят дыбом, глаза блуждают.

Давайте-ка послушаем, какой он нам даст прогноз погоды:

Сегодня чудная погода,
И скоро солнышко взойдёт;
Глаза протрите, лежебоки:
Кто ленится — тот не жуёт!

Каждый день всё те же завывания, даже если идёт дождь или снег. Правда, слова немного меняются:

Сегодня мерзкая погода,
Нас скоро снегом занесёт;
Глаза протрите, лежебоки:
Кто ленится — тот не жуёт!

Люди в хижинах поворачиваются с боку на бок под тёплыми шкурами и честят на все корки певца с его скрипучим голосом. Но потом раскаиваются, потому что у знахаря всюду уши и власть его безгранична.

— Ну, Неандертальчик, вставай. Пора в школу, — рычит мама Тигра, сдёргивая с меня шкуры, — а я-то так под ними пригрелся.

Огонь в очаге едва теплится, я весь дрожу.

Школа!

Я про неё и думать забыл.

Вскакиваю, напяливаю шкуру мускусного быка.

И не подумайте, будто я вам рассказываю сказки.

«Школа в доисторическую эпоху? Невозможно: люди тогда не умели писать», — возразите вы.

И будете правы! Письменности у нас ещё нет, это так, но рисовать мы умеем и вообще, что называется, не лыком шиты.

К тому же и предметы у нас от ваших отличаются: охота, рыбалка и собирательство — ведущие, но я бы не стал пренебрегать обработкой кремня, постройкой хижины, магическим рисунком, заклинанием...

Видите — и нам, детям Ледникового периода, есть над чем корпеть!

Насколько эти предметы трудные, я вам пока сказать не могу, сам сегодня иду в школу в первый раз.

Я так волнуюсь!

Выхожу из хижины и прямо перед собой вижу Умника: это мой лучший друг. Сидит у своей хибары, насыпал горку из снега и скатывает вниз какую-то деревяшку.

— Привет, Умничек, что это ты делаешь?

— Провожу эксперимент, — отвечает Умник и острым кремнём помечает что-то на дубинке для записей.

Умник выделяется среди ледниковых детей: на дерево ему нипочём не залезть, при ходьбе он быстро устаёт; бегаёт, как хромой тюлень; хижины, которые он строит, заваливаются от малейшего ветерка, зато...

Зато соображает он здорово и целыми днями задаёт вопросы:

— Почему птицы летают, а люди — нет?

- Как рыбы дышат под водой?
- Куда уходит солнце, когда наступает ночь?
- Почему вода не течёт в гору?
- Как далеко от нас звёзды?
- Почему Луна никогда с ними не сталкивается?
- Почему радуга отодвигается, когда я хочу потрогать её?
- Почему гром гремит так громко?
- Почему огонь жжётся?
- Почему вода гасит огонь, а не огонь сжигает воду?

— Почему мне приходят в голову все эти «почему»?

Ночью, пока все спят, он ворочается под шкурами и придумывает уйму всяких хитроумных фокусов; потом, проснувшись, пробует, что из этого получится, и так поглощён своими экспериментами, что не замечает ничего вокруг. Из-за всего этого мы его и называем Умником.

— А для чего он, этот твой эксперимент? — спрашиваю я.

— Чтобы перевозить тяжести. Видишь, как эта деревяшка скользит по льду? А теперь представь себе большой кусок коры, куда мы положим шкуры и другие предметы. И не нужно будет так надрываться...

— Деревяшка катится вниз под горку, — замечаю я. — А навверх как ты её потащишь? В жизни, увы, не только вниз катишься, а и навверх саночки везёшь!

Умник щиплет светлую бородёнку и стирает зарубки с дубинки для записей.

Я дружески хлопаю его по плечу:

— Не горюй, что-нибудь придумаешь...

Тем временем, сгибаясь под тяжестью дублёных кож, к нам подходит, отдуваясь и пыхтя, ещё один мальчик.

— Неужели, Уголёк, ты несёшь в школу все свои рисунки? — участливо спрашиваю я.

— Хочу показать их учителю...

— Мог бы выбрать несколько штук.

Не успел я договорить, как происходит катастрофа.

Споткнувшись о корень, Уголёк кубарем летит на землю.

Мы бросаемся на помощь: бедняжки совсем не видно из-под тяжёлых кож.

С трудом мы вытаскиваем его, исцарапанного, грязного, в синяках, — но, едва обретя дар речи, он спрашивает прерывающимся голосом:

— Рисунки... мои рисунки... пропали?

Нет, утешаем мы друга, его шедевры не пострадали. Только голова.

— Вот он, груз культуры! — вздыхает Умник.

Чуть дальше нас догоняет Кротик.

Скорее, *пытается* догнать.

Кротик — самый близорукий из всех обитателей Вурмского ледника.

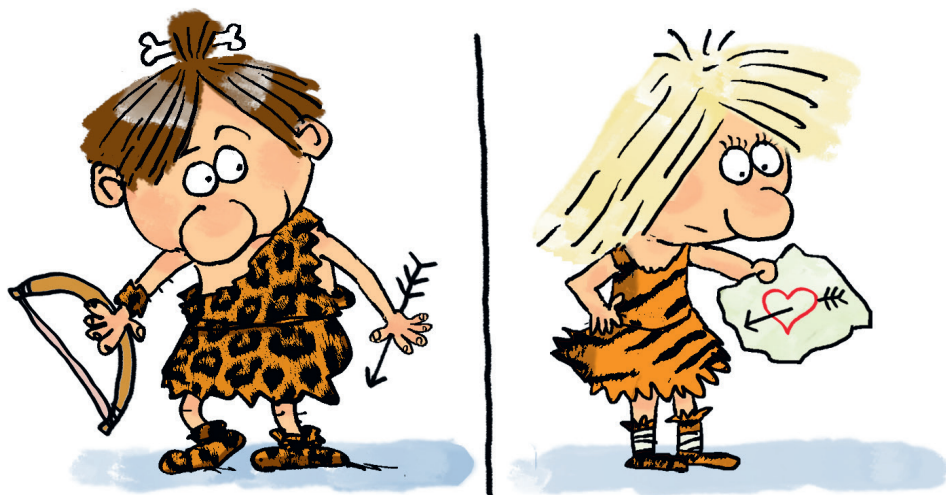

Двигаясь на наши голоса, он натывается на деревянный шест Тотема-Солнца, потом падает на Тотем-Луну, отскакивает к хижине дяденьки Бобра и заваливает её. Наконец спотыкается о камни очага и летит прямо в пепел.

Хорошо ещё, что огонь погас!

Молния, мой приятель, подбегает к нему, помогает встать. Бедный Кротик похож на живого мертвеца: пепел пристал к слою бизоньего жира, которым мы мажемся каждое утро, чтобы уберечь лицо от холода.

В нашей компании Молния — самый хитроумный, самый смелый, самый неутомимый, самый великодушный. Девочки нашей деревни с ума по нему сходят, но он на них и не глядит, потому что глаз не сводит с Берёзки.

Вот только жаль, что Берёзка не глядит на него, потому что глаз не сводит с Умника, а тот на неё не глядит, потому что вечно витает в облаках: возникни перед ним сам мамонт, он и ухом не поведёт.

Тем временем мы подошли к хижине Берёзки.

Берёзка — красивая ледниковая девочка, у неё длинные светлые волосы и бородка того же цвета (в нашем племени и у девочек растёт борода, правда, не такая длинная, как у мальчишек). Она дочка шамана, Полной Луны, и его прекрасной половины, Луны-на-ущербе.

— Привет, Умничек, — щебечет Берёзка. — Хочешь сладкой смолки?

— Почём? — спрашивает Умник.

— Для тебя — даром! — улыбается девочка, хлопая густыми ресницами.

— Ну так и я возьму, — встревает Морж.

— А ты плати десять кремней, — ворчит Берёзка, протягивая ему смолки.

— Раз так, они мне не нужны, — бесится Морж, нахохленный, высокий, плотный, как медведь. Бьёт девочку по руке — смолки падают на землю.

Молния бросается на защиту своей дамы: удар — и Морж валится в пыль. Свисток и Попрыгунчик приходят Моржу на подмогу...

Начинается куча-мала, но вот откуда ни возмись появляется Рука-на-расправу-легка, один из старейшин, тот, кому вменено в обязанность наказывать непослушных ребят.

С ним ещё двое, Испепеляющий Взглядом и Насупленный Лоб.

Рука-на-расправу-легка потирает свой кулачище: разминается перед работой.

— Что здесь творится? — гремит Испепеляющий Взглядом.

— Ничего... ничего, — бормочет Морж, торопясь встать. — Я поскользнулся...

Рука-на-расправу-легка несколько разочарован: крепенького, плотного Моржа лупить одно удовольствие. Не то что Попрыгунчика, в котором одни кости.

Испепеляющий Взглядом пронзительно смотрит на всю компанию и делает своим спутникам знак удалиться. Эти сопляки вечно хитрят, но рано или поздно он их застигнет с поличным...

Едва избежав опасности, все на время забывают обиды и раздоры.

Морж, Свисток и Попрыгунчик, ворча, вырываются вперёд, а тем временем с другой стороны подходит Блошка, маленькая-маленькая ледниковая девочка, худенькая как щепка. Ей всегда холодно, она и сейчас дрожит, хотя солнце уже растопило иней.

Она покупает у Берёзки три сладких корешка и с улыбкой протягивает мне. Друзья, видя, как Блошка мне улыбается, ухмыляются тоже, весьма ехидно.

И правда, среди нашей компании прошёл слушок, будто у меня с Блошкой любовь.

Глупые рассказы.

Не то чтобы Блошка мне совсем не нравилась, поймите правильно. Она милая, ласковая, заботливая... но я... да, вот: моё сердце занято!

Хочу открыть вам один секрет.

Вы спросите, зачем я повернул в эту сторону и повёл товарищей в школу более длинным путём.

Затем, чтобы пройти мимо хижины той девочки, которую я люблю.

Её настоящее имя — Фрчпллттинплпнн (Цветок-что-расцветает-в-ночь-полнолуния), но, поскольку вам этого ни за что не выговорить, предлагаю звать её просто Неандертальской девочкой.

Или Неандерталочкой.

Но... минуточку... Не могу поверить!

Гляньте-ка, кто это приближается с другой стороны!

Самый противный, самый мерзкий, самый наглый из ледниковых мальчишек...

Видите, видите, как он подбирается к хижине прекрасной Неандерталочки?